

А.Л. Юрганов

КТО СОЗДАЛ «ОБЪЕДИНЕННУЮ ОППОЗИЦИЮ» В ВКП(б) В 1926 г.?

Аннотация. В статье рассматриваются условия появления в начале 1926 г. так называемой «объединенной оппозиции», в которой соединились прежде враждебные друг другу лидеры партии – Лев Троцкий и Григорий Зиновьев. Троцкий, находившийся во временном союзе со Сталиным и будучи нейтральным во время политической схватки Сталина с ленинградской оппозицией на XIV съезде партии, осознал в начале 1926 г., что Сталин ведет против него закулисную борьбу, вынуждая его перейти в оппозицию. Выясняется, что у Сталина был план, который включал в себя расчет на то, что Троцкий и Зиновьев будут разбиты не поодиночке, а вместе. Появление «объединенной оппозиции» в 1926 г. не было результатом спонтанного объединения. Сталин специально создавал условия отстранения лидеров оппозиции от принятия любых решений, чтобы при определенных маневрах разбить их как одну силу, противостоящую «партии», с мнением которой он отождествлял свою доминирующую группировку в Центральном Комитете ВКП(б). «Генеральный план» Сталина не мог ограничиваться борьбой с одной фракцией – его личный план изначально предусматривал победу над всеми фракциями, а для этого требовалось осознание борьбы на «два фронта», о чем и стал говорить Сталин после XIV партийной конференции. Его «комбинаторство» заключало в себе как искусство разъединять своих врагов и бить их поодиночке, так и искусство соединять их «для пользы дела», когда требовался новый политический маневр.

Ключевые слова: И.В. Сталин; Лев Троцкий; Григорий Зиновьев; «объединенная оппозиция»; идеология сталинизма; сатирический журнал «Крокодил».

**Юрганов Андрей Львович – доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Россия, Москва. E-mail: Iurganov@yandex.ru
Web of Science Researcher ID: ABF-7584-2020**

Yurganov A.L. Who created the «united opposition» in the VKP(b) in 1926?

***Abstract.** The article deals with the conditions of the emergence in early 1926 of the so-called united opposition, which united previously hostile to each other party leaders – Leo Trotsky and Grigory Zinoviev. Trotsky, who was in a temporary alliance with Stalin and was neutral during the political battle between Stalin and the Leningrad opposition at the XIV Congress of the Party, realized in early 1926 that Stalin was fighting behind the scenes against him, forcing him to join the opposition. It turns out that Stalin had a plan, which included the expectation that Trotsky and Zinoviev would be defeated not one by one, but together. The emergence of the united opposition in 1926 was not the result of spontaneous unification – Stalin deliberately created conditions for the removal of opposition leaders from any decision to break them as one force, opposing the «party», with the opinion of which he identified his dominant group in the Central Committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks). Stalin's «general plan» could not be limited to the struggle with one faction – his personal plan initially provided for the victory over all factions, and this required an awareness of the struggle on «two fronts», which Stalin began to think and talk about after the XIV party conference. His «combinatorialism» consisted of both the art of separating his enemies and beating them one by one, and the art of connecting them «for the benefit of the cause» when a new political maneuver was required.*

***Keywords:** I.V. Stalin; Lev Trotsky; Grigory Zinoviev; united opposition; Stalinism ideology.*

**Yurganov Andrey Lvovich – Doctor of Historical Sciences,
Professor, Russian State University for the Humanities (RGGU),
Russia, Moscow. E-mail: iurganov@yandex.ru
Web of Science Researcher ID: ABF-7584-2020**

В 20-х числах ноября 1926 г. в журнале «Крокодил» появляется первое сатирическое изображение «объединенной оппозиции»: публикуется рисунок, в котором три главные политические фигуры объединяются одной и той же болезнью – ее именуют «оппозиционной лихорадкой». В изголовье у каждого фигуранта раскрывается история «осложнения»: у Каменева и Зиновьева – это «осложнение припадка 1917 г.», у Троцкого – «перманентные приступы с 1923 г.» [Малютин 1926, с. 5].

В начале января 1926 г., после серьезного поражения ленинградской оппозиции во главе с Зиновьевым на XIV съезде партии (в декабре 1925 г.), журнал «Крокодил» откликнулся на последствия этого разгрома сатирическим очерком под названием «Остальные и Недопыркин». Поскольку Троцкий занимал на прошедшем съезде нейтральную позицию и пребывал, судя по всему, в тайном сговоре со Сталиным [Валентинов 1991, с. 289], под образом Недопыркина подразумевался Г.Е. Зиновьев, «остальные» же – ленинградская делегация на съезде. Ситуация вскоре изменится радикально, и к ленинградской оппозиции примкнет Троцкий, ничего не получивший от Сталина за свою политическую лояльность. Однако в январе 1926 г. никто еще

не мог знать, что злейшие враги, Троцкий и Зиновьев, окажутся в одном лагере – антисталинском¹.

Очерк «Остальные и Недопыркин» в журнале «Крокодил» высмеивал саму идею парт-оппозиции:

«Уважаемый товарищ Недопыркин внезапно объявил себя парт-оппозицией.

– То есть, точнее говоря, – сейчас же поправился он, – оппозиция не я, а все остальные.

– Против кого-ж они в оппозиции-то? – удивились другие.

Уважаемый товарищ Недопыркин разъяснил:

– Против меня. И, следовательно, против Ленина. Потому что искажают они ленинизм. Возможно, что без умысла, но все-таки. И я, как единственный верный хранитель заветов, не могу обойти молчанием. Обязан внести поправки и разоблачить уклоны!» [Грамен 1926, с. 2].

На вопрос, – как же он, Недопыркин, узнает, что «уклоны не у вас, а у остальных», – ответ был дан такой:

«–То-ва-ри-щи дорогие!.. Что за вопрос?! Ясное дело, как: подлинными цитатами из Ленина. Нарочно для этого полное собрание сочинений купил. Тут уж и крыть меня нечем: не я говорю, – Ленин говорит! Да вот, например... И, достав записную книжку, процитировал:

– Том XVII, страница 191. Читаем: “Тактика, несомненно, в основе правильная. Но если не следует останавливаться на мелких неточностях формулировки, все же таки нельзя пройти молчанием, что нельзя называть "со"”.

– Ась?.. Как вы сказали?.. – оторопели другие.

– Не я, а Ленин, – скромно поправил тов. Недопыркин. – Ясно, кажется, сказано. Страница 191.

– Но позвольте... Что значит “со”?..

– Ну, конечно, социализм, – сказал Недопыркин. – Не “сосиска” же и не “собака” же!

– Но почему же слово-то недокончено?

– Не я писал, – сказал Недопыркин, – Ленин писал. Почем я знаю?.. А смысл цитаты не допускает двух толкований. Ясно, кажется: то, что у нас строится, нельзя назвать социализмом» [Грамен 1926, с. 2].

Как видно, аргументы «левой» оппозиции высмеиваются не прямо, а через демонстрацию ущербного способа цитировать Ленина. Недопыркин сделал выписку из ленинского сочинения, дошел до конца страницы 191, где был обозначен перенос слова, но не потрудился перевернуть страницу, чтобы

---

1. 4 января 1925 г. Г.Е. Зиновьев писал И.В. Сталину, что согласен с самой суровой мерой наказания Троцкого: выведением из состава Политбюро Центрального комитета партии.

узнать о каком «со» идет речь! При этом в фельетоне цитируются подлинные страницы *первого издания* трудов вождя партии. Речь идет об известной работе «Детская болезнь “левизны” в коммунизме», и приводится та ее часть, которая называется «Коммунисты и независимцы в Германии». Недопыркин домыслил перенос слова в свою, недопыркинскую, сторону, а именно: «То, что у нас строится, нельзя назвать социализмом».

Автор фельетона, не самого смешного – это мягко говоря – не поспешил привести еще один пример недопыркинского усвоения смысла ленинских трудов:

«– Да уж чего там!.. – махнул рукой Недопыркин. – Удивляться тут нечего. Вот вам еще цитата: том XVIII, часть I, страница 197. Читаем: “Если есть мелкое хозяйство, если есть свобода обмена, – появляется капитализм”. Ясно, как гвоздь! А вот еще, – там же, страница 149: “Что замена разверстки налогом есть экономическая политика более приемлемая для крестьян, на этот счет, по-видимому, нет”. То есть, стало быть, – неприемлемая. Сообразили? И, наконец, на странице 217: “В меру и осторожно проведенная концессионная политика, несо”. Что такое “несо”, – я и сам еще не вполне разобрался, но во всяком случае, что-то отрицательное. Вернее всего – “несогласен”. Уразумели?..

– Ммм... – не совсем утвердительно отозвались другие. – Вот что: нельзя ли списать у вас эти цитатки?

Товарищ Недопыркин дал свою записную книжку:

– П-па-ажалуйста!.. Хотите проверить Недопыркина?

Сделайте одолжение! Тут все указано: и тома, и страницы» [Грамен 1926, с. 2].

Записи Недопыркина проверили его «товарищи» на предмет соответствия ленинским цитатам – и выяснилось:

«– Уважаемый товарищ Недопыркин!.. Хо-хо.. Да вы с ума сошли?.. Товарищ Недопыркин!.. Да кто-ж вы такой, после этого!?

– Парт-оппозиция, – ответил тов. Недопыркин. – То есть, вернее оппозиция – все остальные! Потому что я... но в чем дело, товарищи дорогие?..

Товарищу Недопыркину сказали:

– Дело в ваших цитатах. На странице 191 тома XVII, действительно, сказано: нельзя называть “со”...

– Ага! А что-ж я и говорил?.. – обрадовался тов. Недопыркин.

– Подождите. Сказано, но поставлен знак переноса, а на следующей странице продолжается: “циалистическим правительством социал-предателей”. На странице 197 тома XVIII напечатано в последней строке: “если есть свобода обмена, – появляется капитализм”, – а на следующей странице: “Но страшен ли этот капитализм нам, если мы имеем в руках фабрики, заводы, транспорт и заграничную торговлю?” Насчет приемлемости

для крестьян замены разверстки продналогом говорится на странице 149: “на этот счет, по-видимому, нет”... а на следующей странице продолжается... “двух мнений на данном съезде”. И, наконец, о вашем идиотском “несо”: оно вовсе не значит “несогласен”, а значит: “несомненно, поможет нам улучшить быстро состояние производства”. Вот так, товарищ уважаемый, цитировали вы Ленина!..

Товарищ Недопыркин удивленно пожал плечами. И спросил:

– То есть, как именно так? Как напечатано, так и цитировал. На тех страницах, на которые я ссылался, буква в букву это самое и значит!

– Товарищ распрекрасный!.. Да ведь вы прочитывали последнюю строку, останавливались на полуфразе, на полуслове, на переносе – и не заглядывали на следующую страницу! Не давали себе труда уж не то что мысль, хоть бы слово-то до конца дочитывать?» [Грамен 1926, с. 2].

Недопыркин обиженно сказал: «Как хочу, так и читаю! Обязан я разве по-вашему читать? Нечего сказать, хорошенькая внутрипартийная демократия!» [Грамен 1926, с. 2].

Настоящее ощущение смешного рождается не у читателя этого скучного фельетона, а у исследователя: дело в том, что «товарищи», которые наставительно поучали Недопыркина, как правильно цитировать Ленина... тоже ошиблись (по-недопыркински)! В «Крокодиле» перепутали страницы в 18 томе. Кто-то в редакции поленился перепроверить и оказалось, что слова Ленина «если есть свобода обмена, – появляется капитализм» находятся не в «последней строке» стр. 197, а в первой строке стр. 183 того же тома. Эти слова – из доклада Ленина 9 апреля 1921 г. на собрании секретарей и ответственных ячеек РКП г. Москвы и Московской губ. Слова же Ленина о замене продразверстки продналогом – не на 149-й странице, а на 137-й: они были произнесены Лениным на X съезде партии, в заключительном слове.

Судя по всему, январский номер делали наспех – не было времени проверить, а уколоть противника ох как хотелось!

Но вот вопрос – кто заказчик этого фельетона? Конечно, по инерции мышления хочется сказать – Сталин. Но он был не один, кто воевал с Зиновьевым...

То, что цитатная война произошла на XIV съезде – сомнений нет. Спорили два главных теоретика партии – Зиновьев от ленинградской оппозиции и Бухарин – от сталинской группировки.

В своем политическом содокладе Зиновьев, как и Недопыркин в фельетоне, цитировал одно и то же место в ленинском сочинении: «...если есть мелкое хозяйство, если есть свобода обмена, – появляется капитализм» [XIV съезд 1926, с. 103]. Он спровоцировал цитатную войну, когда заявил: «Тут уж позвольте мне, товарищи, выступить *в роли начетчика, обратиться к “ветхому завету”*» (курсив мой. – А. Ю.) и несколько остановиться на тех опреде-

лениях, которые давал в этом вопросе Владимир Ильич. Я возьму немного из сказанного по этому поводу Ильичем и приведу эти выдержки в хронологическом порядке...» [XIV съезд 1926, с. 103].

Н.И. Бухарин отвечал: «Почему тов. Зиновьев претендует на стопроцентный ленинизм, а в своей книге скрывает от партии мнение Ленина? Мне кажется, что так обращаться с Лениным – немножко бесцеремонно. Можно цитаты надергивать как угодно, но это не значит обращаться с ними так, как это подобает» [XIV съезд 1926, с. 142].

Буквально по сценарию «товарищей» из «Крокодила» Бухарин упрекал Зиновьева в том, что, во-первых, он толком не читал Ленина, во-вторых, пользовался нарезками цитат, сделанных наспех, в-третьих, не видел, что вслед одному параграфу идет другой параграф, в котором поясняется прежде сказанное – и потому нет никакого противоречия в ленинском высказывании.

«В этой цитате Зиновьев по сути дела говорит, будто в резолюции о профсоюзах Ленин прямо заявлял, что наши предприятия – государственно-капиталистические предприятия, весь строй тоже госкапиталистический, и будто всякий, кто против этого протестует, отходит от ленинизма. Я вначале, когда прочел, подумал: действительно – странное дело. Полез в протоколы съезда. Оказалось, что... гм... произошла небольшая “передвижка”. <...> Я спрашиваю вас, где *здесь* ответ на вопрос, что такое наши государственные предприятия? Этого что-то нет. Почему этого нет? ... Вы понимаете, в чем дело? У Ленина здесь дано перечисление: вот капиталистические хозяйственные предприятия, – в отношении их наша позиция должна быть такая-то... А тов. Зиновьеву кто-нибудь из секретарей нарезал цитат и не посмотрел, что дальше следует. А он эту цитату – бабах! (Смех.) Мы полагаем, что если серьезно относиться к Ленину и серьезно относиться к тем резолюциям, которые Ленин писал, то нужно хотя бы мельком эти резолюции перечитать. Если бы тов. Зиновьев прочитал эту резолюцию и увидел, что за этим параграфом следует другой, тогда он не попал бы в эту скверную историю. Ведь не могу же я предположить, что он сознательно это сделал или что он резолюцию читал и ее не понял. Получается только один вывод: что он резолюции не читал. Поэтому мы должны прямо сказать: не читал Ленина – не излагай его идей другим!» [XIV съезд 1926, с. 143].

Как видно, фельетон в «Крокодиле» инициировал Бухарин. Грубое исполнение заказа свидетельствовало о спешке, с которой принялись в журнале «Крокодил» выполнять указание одного из вождей партии, главного редактора газеты «Правда».

Положение оппозиции резко изменилось, когда она стала по факту и по названию «объединенной». В январе 1926 г. Троцкий ушел из ВСНХ [Вален-

тинов 1991, с. 323], продолжая числиться на службе в Концессионном комитете².

Когда же произошло объединение Зиновьева и Троцкого? И главное – почему? Если судить по письму Троцкого Л.П. Серебрякову от 2 апреля 1926 г., временный союз Троцкого и Сталина был в это время еще актуален, хотя сбой в отношениях уже наметился. Троцкий сообщал в письме, что разговор, который был у него с Серебряковым и другими товарищами, состоялся «по предложению Сталина и по соглашению с ним» [Архив Троцкого 1990а, с. 187]. После отъезда Серебрякова в Маньчжурию – буквально через два дня – кто-то стал распространять слухи в партийном аппарате, – отмечал Троцкий в письме, – что Серебряков дескать перед отъездом организовал... фракцию, в которую, помимо него, Троцкого, вошли Пятаков и Радек.

Он обратился к Куйбышеву и тот ответил:

«...насчет фракции-де он не слышал, но что со слов Сталина (кажись, так) дело представляется ему в следующем виде: Сталин обратился, мол, с требованием “безоговорочного признания решений XIV съезда, а Серебряков, уклонившись от ответа на этот вопрос, предъявил требования насчет прекращения травли, инсинуаций” и пр. и пр. Я старался объяснить Куйбышеву дело, как оно было в действительности, или, по крайней мере, как я его понял на основании собственного разговора со Сталиным» [Архив Троцкого 1990а, с. 187–188].

Как видно, Троцкий находился в тесном взаимодействии со Сталиным. Письмо Серебрякову свидетельствует о растерянности Троцкого перед лицом странных интриг, исходящих от генсека.

Что было непонятно Троцкому? В письме Серебрякову он пишет, что требование «безоговорочного признания решений XIV съезда» абсурдно, ибо всякий член партии «знает достаточно хорошо» устав партии. Но безоговорочное признание – это силовое давление, принуждение, которое естественным образом могло вызвать и ответную реакцию.

«...мне показалось несколько странным, что Сталин, с которым мы вместе работаем в Политбюро (здесь и далее курсив мой. – А. Ю.), обращается таким кружным путем после того, как у нас с ним был разговор на эти же темы... Совершенно не могу понять, зачем затевался весь этот разговор и зачем дается ему сейчас такое направление, чтобы не облегчить, а наоборот, затруднить дальнейшую работу. Зачем и почему разговор затевался Сталиным именно с Вами, накануне Вашего отъезда в Маньчжурию (так в публикации письма. – А. Ю.), что затрудняет здесь установление действительного содер-

---

2. Весной 1926 г. Троцкий с женой находился в Берлине на лечении.

жания Вашего разговора со Сталиным и смысл Вашего письма, связанного с этим разговором» [Архив Троцкого 1990а, с. 188].

Письмо свидетельствует: Троцкий *не мог поверить* 2 апреля 1926 г., что Сталин начал с ним борьбу своими аппаратными методами.

Многое прояснилось на очередном пленуме ЦК ВКП(б), который проходил с 6 по 9 апреля 1926 г. Речь Троцкого показывает, что через несколько дней после написания письма Серебрякову он осознал наконец, что аппаратная война *идет уже полным ходом*, и какие бы он ни делал заявления, какие бы ни высказывал идеи, команда на травлю получена непосредственно от Сталина. Эту войну он так и назвал – «аппаратное мифотворчество».

В его мыслях, рассуждениях, прогнозах, знаниях, опыте и т.д. – больше не нуждаются. Не прямо, но понятным намеком, Троцкий сказал об этом, что вызвало в аудитории даже «восклицания».

«Из неправильного, ненормального порядка работы вытекает обострение и противопоставление даже в тех случаях, когда их могло бы и не быть. (Восклицания). *Извините, вы сами это прекрасно понимаете* (здесь и далее курсив мой. – А. Ю.). Да и чего, собственно, вы хотите, товарищи. Когда столь серьезные общеполитические и хозяйственные вопросы стоят на повороте, то было бы чудовищно, если бы в нашей партии не вспыхнули практические и обобщенные разногласия, которых не надо только принимать *преувеличенно и искусственно раздувать*. Как же иначе может партия жить и двигаться вперед. Иначе из этого получается то, о чем напомнило выступление Молотова: *по любому поводу* обвинения в полутроцкизме летают справа налево и слева направо... у нас всякий вопрос ставится на острие аппаратной бритвы *и всякое отклонение от этого острия на одну тысячную долю миллиметра обьявляется – путем аппаратного мифотворчества – чудовищным уклоном*. Призрак троцкизма нужен для поддержания аппаратного режима» [Архив Троцкого 1990а, с. 211].

В своих выступлениях на пленуме близкие Сталину люди стали нарочито связывать любое высказывание Троцкого с тем, о чем говорилось во время дискуссии 1923 г. При этом сам Троцкий *никак эту связь не видел* (это прямо следует из его речи на апрельском пленуме), и не желал ее видеть. Он не собирался вступать в конфронтацию. Конфронтацию затеял Сталин, дав команду связывать воедино любое высказывание Троцкого с его антипартийной деятельностью, начиная с 1923 г.

Троцкий говорил:

«Тов. Жданов зачем-то ссылался на дискуссию 1923 г. *И другие без всякого повода* (курсив мой. – А. Ю.) говорили о дискуссии 1923 г. Я к ней не апеллировал и не имею в виду апеллировать. Речь идет о сегодняшнем и завтрашнем дне. Ни в малейшей степени я не говорил о прошлом в смысле какого-либо противопоставления “платформ”» [Архив Троцкого 1990а, с. 212].

Он оказался в бюрократической изоляции, ему были предоставлены две возможности: либо окончательно потерять лицо и стать частью сталинского механизма власти (без всяких гарантий на будущее), либо начать новую борьбу за внутрипартийную демократию и за возможность влиять на принятие тех или иных решений.

Апрельский пленум 1926 г. – поворотный момент, когда впервые возникла общая потребность у оппозиции отстаивать не только свои взгляды, но и право влиять на принятие решений в партии. Без этого нет смысла и пребывать в ней.

6 июня 1926 г. Троцкий направил в Политбюро письмо, в котором сообщил о своих возражениях по докладу Н.А. Угланова на расширенном пленуме Замоскворецкого райкома партии [Архив Троцкого 1990а, с. 230–238]. Поскольку отчет о пленуме был опубликован в «Правде» (2 июня 1926 г.), Троцкий спорил и с газетой тоже, ставя вопрос, как говорится, ребром: «Что такое “демократия”?» То определение, которое он обнаружил в обзоре, его никак не устраивало. Оно оказалось, по его мнению, определением «партийного бюрократизма как системы, где партия, как таковая, выступает лишь в качестве материала в руках аппарата».

Споря с Углановым, Троцкий спорил прежде всего со Сталиным³.

«До 2 июня 1926 года партия давала не раз определение того режима, который она понимает под именем внутрипартийной демократии. Наиболее яркими моментами развития партийной мысли в этом вопросе явились: резолюция X съезда (1921) и единогласно принятая резолюция ЦК 5 декабря 1923 года, подтвержденная затем XIII съездом партии. Резолюция последнего, XIV съезда партии говорит только о необходимости стать “на путь последовательной внутрипартийной демократии”. Понятие внутрипартийной демократии в резолюции XIV съезда не поясняется именно потому, что это уже было сделано с необходимой полнотой предшествующими съездами партии» [Архив Троцкого 1990а, с. 231].

Троцкий нашел в определении Угланова *не тот смысл*, который был уже согласован с мнением большинства в партии: «Сущностью демократии он объявляет неограниченное господство партийного аппарата, который ставит, втягивает, проверяет и исправляет. 2 июня 1926 года партия получила наиболее законченное определение режима, основанного на полновластии аппарата. Пытаясь определить сущность демократии, тов. Угланов определил сущность бюрократии. Правда, в определении тов. Угланова эта бюрократия не

---

3. Д.И. Апальков считает, что окончательное оформление «объединенной оппозиции» следует отнести к выступлению Зиновьева, Каменева и Троцкого на заседании Политбюро 3 июня 1926 г. по вопросу об итогах всеобщей стачки в Великобритании [Апальков 2017, с. 90].

просто командует, а ставит вопросы перед массами, втягивает их и исправляет линию» [Архив Троцкого 1990а, с. 233].

Троцкий обобщил ситуацию, как безрадостную картину партийного произвола: «...никогда еще режим партии не был пропитан в такой степени значенством, командованием, подозрительностью, зажимом, т.е. всеохватывающим аппаратным началом, как теперь. Противоречие, и притом вопиющее, между программным определением партийной демократии, между провозглашенной и подтвержденной необходимостью курса на партийную демократию, с одной стороны, и между фактическим партийным режимом – с другой, налицо. Это противоречие становится для партийного сознания все более острым, мучительным и прямо-таки нестерпимым. Ничего так не тяжело для революционной партии, как двойственность, как несоответствие между словом и делом» [Архив Троцкого 1990а, с. 233].

Критика бюрократизма в этом письме мотивирует причину появления фракций, оппозиционных групп. Троцкий объясняет новое движение к оппозиции тем, что толкает его на это новое противостояние сам Сталин: «...аппаратный режим с абсолютной необходимостью порождает из себя фракции. Более того, при замкнутом аппаратном режиме, который только командует, но не допускает над собою контроля, возникновение группировок есть единственная вообще возможность внесения поправок в аппаратную политику» [Архив Троцкого 1990а, с. 235].

В этом письме (от 6 июня 1926 г.) Троцкий позволил себе жесткую критику партийного аппарата: «Сталинская постановка вопроса о диктатуре класса, противопоставляемой диктатуре партии, ведет неизбежно к диктатуре аппарата, ибо класс с дезорганизованным авангардом (отсутствие свободного обсуждения, контроля над аппаратом, выборности – и есть дезорганизация авангарда) только и может, что стать объектом руководства централизованного аппарата, который, в свою очередь, отдаляясь от партии, все больше и больше должен подпадать под давление враждебных классовых сил» [Архив Троцкого 1990а, с. 237].

Намек на идейную слабость и невысокий культурный уровень партийного руководства наверняка задел генсека – подобные намеки он никогда не прощал: «Дальнейшее развитие, – писал Троцкий, – бюрократического режима ведет фатально к единовластию со столь же фатальным снижением идейного руководства. Демократизация партийного режима не только допускает, но и требует восстановления коллективного руководства на более высоком культурно-политическом уровне...» [Архив Троцкого 1990а, с. 238].

13 июля 1926 г. Г. Зиновьев и Л. Троцкий выступили с совместным письмом, адресованным лично Сталину и членам Политбюро [Архив Троцкого 1990b, с. 9]. В нем указывалось, что «завтра» начнется пленум ЦК и ЦКК, а действия Угланова, начавшего в партийных ячейках обсуждение вопросов

внутрипартийной жизни, свидетельствуют о том, что ЦК «будет поставлен перед фактически начатой сверху односторонней дискуссией». Смысл политической акции заключался в том, чтобы обвинить руководство партии в подстрекательстве и желании навязать партии новую дискуссию.

Зиновьев и Троцкий сошлись на том, что оба оказались без рычагов влияния на принятие решений. Все теоретические расхождения со Сталиным были для «объединенной оппозиции» ничто в сравнении с тем, что делала с ними бюрократическая система, исключавшая их из руководства всякими путями, интригами и нежеланием считаться с мнением. «Объединенная оппозиция», официально объявившая о себе на июльском пленуме 1926 г. через «Заявление», адресованное членам ЦК и ЦКК, состояла в основном из старой ленинской «гвардии» (М. Бакаев, Г. Лидзин, М. Лашевич, Н. Муралов, А. Петерсон, К. Соловьев, Г. Евдокимов, Г. Пятаков, И. Авдеев, Г. Зиновьев, Н. Крупская, Л. Троцкий, Л. Каменев). В этом «Заявлении» было указано, что «фракционность», осужденная на X съезде партии, создается бюрократизмом, подавляющим «свободу суждений, убивая критику, неизбежно толкает добросовестных партийцев на путь замкнутости и фракционности» [Архив Троцкого 1990b, с. 12]. Слишком поздно деятели оппозиции поняли, что «утверждение, будто “большинство” не может быть фракцией, явно бессмысленно» [Архив Троцкого 1990b, с. 20]. Сталинский миф о том, что «большинство» и «фракция» – понятия несовместимые – был, наконец, опровергнут, и в лексике оппозиционеров появились новые определения: «руководящая группа», «сталинская фракция».

«Дело Лашевича», заурядное партийное собрание на подмосковной даче 6 июня 1926 г., было раздуто сталинским аппаратом до масштабов нелегальной фракции, созданной старыми большевиками М.М. Лашевичем и Г.Я. Беленьким⁴. Этот случай – своеобразный подарок Сталину, он помог ему расправиться с Зиновьевым.

В заявлении «объединенной оппозиции» раскрывался механизм устранения неугодных Сталину людей во власти.

«Вопрос о так называемом “деле” Лашевича, поставленный, согласно решению Политбюро от 24 июня, в порядок нынешнего пленума, неожиданно, в самый последний момент постановлением Президиума ЦКК от 20/VII превращен в “дело” тов. Зиновьева. Мы считаем необходимым прежде всего

---

4. В воскресный день, 6 июня 1926 г., на одной из дач по Савеловской дороге собрались единомышленники – человек 70 коммунистов Краснопресненского района Москвы, чтобы обсудить положение в партии; был заслушан доклад М.М. Лашевича, первого заместителя председателя Реввоенсовета СССР, сторонника Зиновьева. Донос одного из участников собрания поступил на имя М.Н. Рютина, секретаря Краснопресненского райкома партии, который в свою очередь сообщил об этом в ЦКК ВКП(б).

констатировать, что в проекте резолюции Президиума ЦКК нет ни одного факта, ни одного сообщения, ни одного подозрения, которые бы не были известны шесть недель тому назад, когда Президиум ЦКК вынес постановление по “делу” Лашевича и др. В этом постановлении имя тов. Зиновьева не называлось. Между тем в последнем проекте резолюции уже заявляется со всей категоричностью, что “все нити” ведут к тов. Зиновьеву как председателю Коминтерна. Вопрос этот, как совершенно ясно для всех, решался не в Президиуме ЦКК, а в той фракционной группе, руководителем которой является тов. Сталин» [Архив Троцкого 1990b, с. 22].

Оппозиция объясняла хронологию политических событий последних месяцев, обнажая сталинский план борьбы с Троцким. Указывалось, например, что борьба с ним началась через полтора-два месяца после завершения XIV съезда партии (декабрь 1925 г.), т.е. примерно в конце февраля – начале марта 1926 г. Как уже упоминалось, Троцкий недоумевал 2 апреля 1926 г., почему так странно ведет себя Сталин, и только спустя несколько дней осознал, что борьба с ним развернута вновь и идет не первый день: «...была открыта одновременно в разных пунктах, прежде всего в Москве и Харькове, – точно по сигналу – новая глава в борьбе против тов. Троцкого, – говорилось в заявлении оппозиции. В этот период руководители московской организации открыто говорили на ряде активов, что ближайший удар надо нанести тов. Троцкому» [Архив Троцкого 1990b, с. 23].

Оппозиция утверждала, что вопрос «об изъятии тов. Троцкого из Политбюро обсуждался в достаточно широких кругах партии», но тут вмешался случай – «дело» Лашевича. Сталинская группировка решила сначала нанести удар по Зиновьеву [Письма И.В. Сталина 1995, с. 73], обвинив его в связях с нелегальной фракцией.

«Выдвинутое в последний момент предложение – удалить тов. Зиновьева из Политбюро – продиктовано центральной сталинской группой как этап на пути замены старого ленинского руководства партии – новым, сталинским. План по-прежнему осуществляется по частям. Тов. Троцкий оставляется пока в составе Политбюро, чтобы, во-первых, дать возможность партии думать, будто тов. Зиновьев действительно устраняется в связи с делом Лашевича, и, во-вторых, чтобы слишком крутыми шагами не вызвать у партии чрезмерной тревоги» [Архив Троцкого 1990b, с. 23–24].

Возложив вину за случившееся на ЦКК и Куйбышева, авторы резолюции констатировали: «Предложение об исключении тов. Зиновьева из Политбюро толкает партию на путь дальнейших репрессий, путь, от которого мы предостерегаем партию» [Архив Троцкого 1990b, с. 31].

О том, что оппозиция верно комментировала события – и ничего не преувеличивала – свидетельствует письмо Сталина, отправленное В.М. Молотову, Рыкову, Бухарину «и другим друзьям» 25 июня 1926 г. из Сочи, где вождь

партии отдыхал. В письме Сталин прямо сказал, что до «дела» Лашевича стратегический план борьбы с оппозицией состоял в том, чтобы соединить Зиновьева и Троцкого, а затем принять «широкую резолюцию» о единстве партии на очередном пленуме. Случай с Лашевичем заставил Сталина скорректировать текущий план, по которому он активно действовал: «Я уже не говорю о том, что *широкой* резолюции пленума (прежний план) пришлось бы официально объединить Зиновьева и Троцкого в один лагерь (курсив мой. – А. Ю.), что, может быть, преждевременно и стратегически нерационально сейчас. Лучше бить их по частям». Но это «бить по частям» не означало, что Сталин собирался опять маневрировать с Троцким: «...пусть Троцкий и Пятаков защищают Зиновьева, а мы послушаем. Во всяком случае так будет лучше на данной стадии. А потом видно будет» [Письма И.В. Сталина 1995, с. 74].

По этому письму видно, что интригу против Зиновьева задумал и осуществлял именно Сталин – и никто другой. Он же в решительном тоне добавил в конце письма: «Не знаю, как вы, а я думаю, что делом Лашевича зиновьевцы зарезали себя, особенно, если это дело связать с делом Гуральского. *А связать его надо*» [Письма И.В. Сталина 1995, с. 74]. Это значит, что все сомнительные дела, с точки зрения Сталина, которые на самом деле могли иметь не связанные друг с другом собственные причины, следует теперь объединить в одно «дело» – и в один сценарий борьбы оппозиции против партии большевиков. Сомнительное «дело» Гуральского и Вуйович (по линии Коминтерна) Сталин потребовал соединить с еще более сомнительным «делом» Лашевича – и во главе всего этого антипартийного предприятия поставить Зиновьева. Чтобы его исключить из состава Политбюро, требовались веские основания.

Сталин их придумал...

В августе 1926 г. Троцкий и Зиновьев вновь написали совместное обращение в ЦК партии. В нем вновь подчеркивалось, что опасность раскола партии вытекает, как и предостерегал Ленин, из «чрезвычайного сосредоточения аппаратной власти и злоупотребления ею» [Архив Троцкого 1990b, с. 34]. Страшнее любых теоретических разногласий в партии – невозможность партии, как массовой организации, влиять на собственный аппарат: «Фракция, подобранная постепенно вокруг генерального секретаря при помощи партийного аппарата, сосредоточила в своих руках всю силу власти» [Архив Троцкого 1990b, с. 34]. Новейший пример: «В июле было произведено дальнейшее изменение партийного руководства (удаление тов. Зиновьева из Политбюро и включение в число кандидатов ряда товарищей, составляющих центр сталинской фракции). Партия об этом не знала ничего до июльского пленума ЦКК, который по этому же самому вопросу за несколько дней до Пленума вынес решение, совершенно не затрагивающее состава Политбюро. Партии оставалось

лось принять новое руководство только в порядке разъяснения решений июльского пленума» [Архив Троцкого 1990b, с. 35].

В этом обращении, как и ранее в «заявлении», вновь раскрывались ставшие известными тайные ходы закулисной борьбы Сталина против оппозиции. Но одно объяснение, которое мы видим в этом документе, удивляет прозорливостью и глубоким пониманием того, как была устроена сталинская механика подавления. Она не была, по мнению Троцкого и Зиновьева, последовательна в защите идей или принципов, – ни идей, ни принципов нет в помине: стратегия подавления была нацелена на захват власти и уничтожение *всех тех*, кто был в той или иной мере близок ленинской гвардии – даже если это были представители «правых». Приведем эти поистине пророческие слова двух вождей оппозиции, из которых следует, что Сталин боролся не только против «левой» оппозиции, но потенциально и против «правой». Он выстраивал свою политическую игру так, чтобы своим аппаратным давлением собрать левую оппозицию в одно, отрешенное от власти, объединение, окончательно разбить «левых» и получить сразу же перевес в игре против «правых».

Вот как это звучит в Обращении: *«Еще до апрельского пленума было известно, что верхушка сталинской фракции решила устранить из Политбюро Зиновьева, Каменева, Троцкого и обеспечить безусловный перевес Сталина над Томским, Рыковым и Бухариным»* (курсив мой. – А. Ю.). Некоторые члены Политбюро, принадлежащие к большинству, говорили об этом плане с возмущением. О так называемом “деле” Лашевича тогда не было еще и речи. План вытекал из всей организационной политики группы Сталина» [Архив Троцкого 1990b, с. 35].

Итак, «генеральный план» генерального секретаря партии, вскрытый объединенной оппозицией, заключался в том, чтобы устранить не только левую оппозицию, но и «правую» тоже. Но сделать это можно было только поэтапно. Сначала – вывести из состава Политбюро главных деятелей объединенной оппозиции, а потом внедрить в Политбюро верных и преданных Сталину людей – вместо тех, кого Сталин «своими» не считал. И главный «не свой»⁵ среди них – Н.И. Бухарин. Поскольку в дальнейшем так – или почти

---

5. В письме Молотову от 16 сентября 1926 г. Сталин грубовато пошутил насчет Бухарина, который ничего не сообщил ему, Сталину, о «своих германских впечатлениях». «Бухарин – свинья и, пожалуй, хуже свиньи, ибо считает ниже своего достоинства написать две строчки...». В понимании Сталина «свой» – это не равный ему, Бухарин же позволял себе быть именно равным. Глухое раздражение, спрятанное за грубой шуткой, выдает истинное отношение Сталина к самой идее первенства в партии [Письма И.В. Сталина 1995, с. 90].

так – произошло, то нет сомнений в том, что у оппозиции были хорошие информаторы, знавшие тайные разговоры в сталинской фракции.

В сентябре 1926 г. Троцкий написал текст, который он назвал так: «Об единстве партии». Оппозиция в полной мере осознала значение контрпропаганды, но время упущено. Костяк сталинской фракции намертво зажал в своих руках рычаги власти – и прежде всего аппаратную власть над «большинством» в партии.

Троцкий писал: «Лозунг единства партии все больше становится в руках правящей фракции орудием идейного террора (запугивания, запугивания) против подавляющего большинства партии» [Архив Троцкого 1990b, с. 77].

Он вновь напомнил, как аппарат Сталина обошелся с Каменевым и Зиновьевым, обнажая еще и еще раз тезис, согласно которому «партия» в самом широком смысле устранена от механизма принятия решений.

Было обосновано и будущее единовластие в партии. Оно обязательно придет: «Политическое сползание с классовой линии неизбежно толкает на путь аппаратно-бюрократического давления на партию. Этот курс неизбежно ведет к замкнутой фракционной группировке наверху и к жесткому подбору ею всего аппарата. В свою очередь, сосредоточение власти в руках тайной от партии фракции неизбежно развивает тенденцию к единоличию (так! – А. Ю.). Коллективное руководство неразрывно связано с режимом партийной бюрократии. Бюрократизированный аппарат, навязывающий свою волю партии, неизбежно ищет единой воли сверху» [Архив Троцкого 1990b, с. 79].

Троцкий обобщил этапы сопротивления сталинской бюрократии, тонко обойдя момент, когда он в 1925 г. заключил союз со Сталиным против Зиновьева: «С того момента, как Ленин отошел от работы, мы имели: дискуссию 1923-го года, дискуссию 1924-го года, дискуссию 1925-го года (с ленинградцами), новую аппаратную дискуссию против “троцкизма” весной 1926-го года; новую резкую дискуссию против ленинградской оппозиции, формально приуроченную к “делу” Лашевича (июнь-июль 1926-го), ныне развертывающуюся новую дискуссию против “троцкизма” вообще и обвиняемой в “троцкизме” ленинградской оппозиции, в частности» [Архив Троцкого 1990b, с. 79].

Троцкий вновь подчеркнул, что настоящая цель Сталина – не победа над «левыми», а победа над всеми (и «правыми» тоже!), кто не является членом его фракционной группировки: «Совершенно ясно, что ни Томский, ни Рыков, ни Бухарин – по своему прошлому, по авторитету своему и пр. – не могут и не способны играть при Сталине ту роль, какую играют при нем Угланов, Каганович, Петровский и пр. Отсечение нынешней оппозиции означало бы неизбежное фактическое превращение в оппозицию остатков старой группы в ЦК. На очередь встала бы новая дискуссия, в которой Каганович обличал бы Рыкова, Угланов – Томского, а Слепковы, Стэны и К° развенчи-

вали бы Бухарина. Только безнадежный тупица может не видеть неизбежности этой перспективы...» [Архив Троцкого 1990b, с. 80].

В сентябре 1926 г. Троцкий написал тезисы «К пятнадцатой партийной конференции», в которых дал определение такому явлению, как «политическая двойственность». Троцкий уловил, что в политической игре Сталина нет никакого политического содержания – «политической линии», – ее успешно заменяет «комбинаторство». А вот «реальное содержание» вносят как раз те представители партии, которых сталинская фракция считает «левыми» или «правыми». Троцкий угадал, что Сталин при случае повернется в любую сторону «содержания», если это будет ему выгодно для удержания власти, но отнюдь не потому, что таковы его политические взгляды, имеющие непреложные основания⁶. Он писал: «Особый вес в сталинской фракции получают специалисты по возведению беспринципности в систему» [Архив Троцкого 1990b, с. 87].

Свидетельством отсутствия своего «содержания» является то, что между словом и делом в сталинской фракции обнаруживаются расхождения – «политические ножницы»: «Чем больше принимается почти оппозиционных решений о борьбе с бюрократизмом (в профсоюзах, госаппарате и пр.), тем жестче становится бюрократизм» [Архив Троцкого 1990b, с. 87].

Сталин не спорит, а декларирует «по методу средневековой схоластики» свой, как ехидно писал Троцкий, «идеологический маскарад»: «Партию пытаются уверить, что Крупская, Зиновьев, Каменев и сотни других большевиков с 20-летним и более партийным стажем, внезапно отпали от ленинизма. Это обвинение должно освободить от необходимости учитывать факты и опровергать доводы» [Архив Троцкого 1990b, с. 90].

«Теоретическая и политическая сущность спорных вопросов оставляется в стороне. Задача сводится к тому, чтобы скомпрометировать оппозицию, установить какую-либо внешнюю, случайную, персональную или хронологическую связь между ней и каким-либо другим течением, когда-либо осужденным. Эта цель достигается при помощи грубых софизмов и косвенных

---

6. Разумеется, все фракции боролись прежде всего за власть – не только Сталин, но и Зиновьев и Троцкий. Но взаимосвязь идеологии и поступков могла быть разной: у одних это фанатизм не меняющегося тезиса борьбы за мировую революцию, у других – только захват власти при меняющихся идеологических ориентирах. Апальков верно отмечает, что левая оппозиция думала о власти прежде всего, но она не была столь свободна от исходных тезисов, как сталинская фракция, как и сам Сталин, удивлявший большевиков умением «комбинировать» свои взгляды под политический расклад [Апальков 2017, с. 75, 80]. Эта разница может быть и не столь велика, но не замечать ее – значит упускать из вида по-разному работающие механизмы достижения политических целей.

улик. Система искаженных цитат, выдернутых наудачу словечек, все больше культивируется Бухариным и его школой» [Архив Троцкого 1990b, с. 93].

3 октября 1926 г. Зиновьев, Троцкий и Пятаков направили письмо протеста в Политбюро по поводу резолюции Московского комитета партии, считая, что в ней извращается идея партийной демократии. 4 октября в Политбюро было направлено новое заявление от лица объединенной оппозиции, в котором предлагалось найти компромисс в политическом споре. 8 и 11 октября 1926 г. проходили заседания Политбюро, на которых было решено потребовать от оппозиции немедленно прекратить фракционную деятельность. Такое жесткое решение было продиктовано условием компромисса со стороны оппозиционеров: они требовали политических гарантий непереследования за взгляды, которые не должны квалифицироваться как меньшевизм. Неуступчивость в отношении с оппозицией была заранее продуманна. Г.И. Петровский, член Политбюро, так и сказал на заседании 11 октября: «Оппозиция требует равноправия? Требования выставляет? Вы явились сюда на заседание Политбюро стороной, которая в стране не имеет никакой поддержки» [Стенограммы заседаний 2007, с. 371]. Это и был первоначальный пункт расчета всей политической кампании, как против «левых» – сейчас, так и против «правых» – в будущем.

Карикатура в журнале «Крокодил», впервые изображающая объединенную оппозицию, была опубликована в 20-х числах ноября 1926 г. Это был отклик как на произошедшую с 26 октября по 3 ноября в Москве XV партийную конференцию ВКП(б), так и на последующие события. В ходе прений на партконференции было принято решение: считать объединенную оппозицию «социал-демократическим уклоном» в партии. С таким докладом 1 ноября выступил Сталин. 3 ноября он еще раз высказался, но уже с «заключительным словом». 15 ноября была опубликована брошюра Сталина «О социал-демократическом уклоне в нашей партии», где содержались доклад и заключительное слово по докладу на партконференции. 20 ноября Сталин сообщил на заседании Президиума Исполкома Коминтерна план своего доклада на VII расширенном пленуме ИККИ «О внутрипартийном положении в ВКП(б)».

22 ноября генсек избирается членом Президиума ИККИ и членом политической комиссии пленума. С этого дня он активно участвует в работе VII расширенного пленума ИККИ, который завершается 16 декабря. Словом, журнал «Крокодил», достоверно выражая собой идеологическую позицию ЦК партии, внес свою лепту в политическую борьбу, создавая ложный образ неисправимой оппозиции, «хронически больной», зацикленной на противостоянии Центральному комитету партии.

В ноябре-декабре 1926 г. сталинская группировка подвела итог борьбы с «левой» оппозицией, ставшей «объединенной». Самое позорное в глазах большевиков обвинение было утверждено как обвинение против «троцкист-

ской» оппозиции уже привычным способом – большинством голосов. Это означало, что решения XV съезда не будут отличаться от итогов партийной конференции.

В самой обстоятельной биографии Сталина, написанной американским историком Робертом Такером, события политической борьбы 1926 г. не рассматриваются как значимые в историко-биографическом плане. Между тем именно в первой половине этого года в ходе ожесточенных споров стала открываться истинная картина событий. Оппозиция увидела, что Сталин силен не тем, что он «не левый», и не тем, что он «не правый», а тем, что в его «центризме» нет никаких идей вообще, кроме одной – удержать захваченную власть *любой* ценой. Если деятели оппозиции, борясь за власть, связывали себя с определенными доктринами, от которых не могли уйти слишком далеко, но Сталин как «практик» изначально держался той «середины», в которой, по излюбленной им марксистской диалектике, можно всегда обнаружить логику перехода одного политического смысла в противоположный. Эта «вненаходимость» давала ему право критиковать и тех, кто «справа», и тех, кто «слева», оставаясь в положении, позволявшем ему отождествлять себя и свою группировку с общим мнением всей партии.

Раскрытый оппозицией «генеральный план» генерального секретаря и его сотоварищей заключал в себе (до того, как началось «дело» Лашевича) задачу – *соединить* потерпевшую поражение на съезде «ленинградскую оппозицию» Зиновьева и недобитого Троцкого, чтобы окончательно разгромить их на очередном пленуме принятием, как указывал Сталин, «широкой резолюции» о единстве в партии. «Генеральный план» Сталина не мог ограничиваться борьбой с одной фракцией – его *личный* план изначально предусматривал победу над *всеми фракциями*, а для этого требовалось осознание борьбы на «два фронта», о чем стал думать и говорить Сталин после XIV партийной конференции. Его «комбинаторство» заключало в себе как искусство разъединять своих врагов и бить их поодиночке, так и искусство соединять их «для пользы дела», когда требуется новый политический маневр.

Как предрекали вожди объединенной оппозиции – так и случилось: после разгрома Троцкого и Зиновьева в 1926–1927 гг. наступил черед Бухарина, и уже в январе 1928 г. Сталин объяснял руководящим работникам Сибири (куда он отправился с инспекционной поездкой), что времена «военного коммунизма» в отношении крестьян не прошли, и если кулак не сдает зерно государству, то государство вправе конфисковать хлеб или передать его беднякам. В середине 1928 г. Сталин и Бухарин какое-то время даже перестали разговаривать друг с другом. Испугавшись, что Сталин придумает новый политический маневр, Бухарин встретился с Каменевым и весьма откровенно пожаловался на генсека, сравнив вождя партии большевиков с Чингисханом.

Основания для такого сравнения были. Сталин приготовился взять «дань» с крестьян, формулируя исключительно левацкую идею о нарастающей классовой борьбе в эпоху строительства социализма. В разговоре с Каменевым Бухарин высказал мысль, которую озвучивали и вожди объединенной оппозиции: у Сталина нет никаких принципиальных идей, кроме одной – утвердить свою деспотическую власть и утопить страну в крови своих врагов [Такер 2006, с. 277–278].

Кульминацией всей закулисной борьбы с «правыми» стало совместное заседание Политбюро и Президиума ЦКК, состоявшееся в январе – начале февраля 1929 г., когда Сталин наконец сказал то, о чем давно думал: «Как это ни печально, приходится констатировать факт образования в нашей партии особой группы Бухарина в составе Бухарина, Томского, Рыкова». Началось разоблачение «правых уклонистов», которое закончилось полным разгромом в ноябре 1929 г., когда Пленум ЦК вывел из состава Политбюро ЦК главного деятеля «правых» – Бухарина [Такер 2006, с. 278].

В декабре 1929 г., когда Сталин отмечал свое 50-летие, никаких фракций уже не было. «Генеральный план» перед началом нового десятилетия был полностью выполнен.

Библиография

- Апальков Д.И. Внутриполитическая борьба в РКП(б)–ВКП(б) (1920-е – начало 1930-х гг.): дис. ... канд. ист. наук. М., 2017. 206 с.
- Архив Троцкого. Коммунистическая оппозиция в СССР. 1923–1927. М.: «ТЕРРА-«TERRA», 1990а. Т. 1. 255 с.
- Архив Троцкого. Коммунистическая оппозиция в СССР. 1923–1927. М.: «ТЕРРА-«TERRA», 1990б. Т. 2. 253 с.
- Валентинов Н. (Н. Вольский) Новая экономическая политика и кризис партии после смерти Ленина: Годы работы в ВСНХ во время НЭП. Воспоминания. М.: Современник, 1991. 367 с.
- Грамен. Остальные и Недопыркин // Крокодил. 1926. № 2. С. 2.
- XIV съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). Стенографический отчет. М.: Государственное издательство, 1926. 1029 с.
- Малютин И. Оппозиционная палата № 1 // Крокодил. 1926. № 43. С. 5.
- Письма И.В. Сталина В.М. Молотову. 1925–1926 гг.: сборник документов. М.: «Россия молодая», 1995. 303 с.
- Стенограммы заседаний Политбюро ЦК РКП(б)–ВКП(б), 1923–1938 гг.: в 3 т. М.: РОССПЭН, 2007. 2007. Т. 2: 1926–1927 гг. 670 с.
- Такер Р. Сталин. История и личность: Путь к власти. 1879–1929; У власти. 1928–1941. М.: Весь мир, 2006. 864 с.
- Троцкий Л. Моя жизнь. Воспоминания. М.: Панорама, 1991. 624 с.

References

- Apal'kov D.I. Vnutripoliticheskaya bor'ba v RKP(b) (1920-e – nachalo 1930-h gg.) [Internal political struggle in the RCP(b) – VKP(b) (1920s – early 1930s)]: Dissertation for the degree of candidate of historical sciences. Moscow, 2017. 206 p. (In Russ.)
- Archiv Trockogo. Kommunisticheskaya oppozitsiya v SSSR. 1923–1927 [Archive of Trotsky. Communist opposition in the USSR. 1923–1927]. Moscow: TERRA-TERRA, 1990a. Vol. 1. 253 p. (In Russ.)
- Archiv Trockogo. Kommunisticheskaya oppozitsiya v SSSR. 1923–1927 [Archive of Trotsky. Communist opposition in the USSR. 1923–1927]. Moscow: TERRA-TERRA, 1990b. Vol. 2. 253 p. (In Russ.)
- Gramen. Ostal'nye i Nedopyrkin. Krokodil [Others and Nedopyrkin. Crocodile (magazine)]. 1926. N 2. P. 2. (In Russ.)
- Malyutin I. Oppozitsionnaya palata N 1. Krokodil [Opposition Chamber N 1. Crocodile (magazine)]. 1926. N 43. P. 5. (In Russ.)
- Pis'ma I.V. Stalina V.M. Molotovu. 1925–1926 gg. [Letters of Stalin to V.M. Molotov. 1925–1926]: collection of documents. Moscow: Rossiya molodaia, 1995. 303 p. (In Russ.)
- Stenogramma zasedanii Politburo TsK RKP(b)–VKP(b), 1923–1938 gg. [Stenograms of the TsK RKP(b)-VKP(b) Politburo Meetings, 1923–1938]: 3 vol. Moskva: ROSSPAN, 2007. 2007. Vol.2: 1926–1927. 670 s. (In Russ.)
- Taker R. Stalin. Istoria i lichnost': Put' k vlasti. 1879–1929; U vlasti. 1928–1941. [History and Personality: The Path to Power. 1879–1929; In Power. 1928–1941]. Moscow: Izdatel'stvo «Ves'mir», 2006. 864 p. (In Russ.)
- Trockii L. Moia zhizn'. Vospominania [My life. Memories]. Moscow: Panorama, 1991. 624 p. (In Russ.)
- XIV s'ezd Vsesousnoi Kommunisticheskoi partii (b). Stenograficheskii otchet [XIV Congress of the All-Union Communist Party (b). Stenographical report]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo, 1926. 1029 p. (In Russ.)
- Valentinov N. (N. Vol'skii) Novaya jekonomicheskaya politika i krizis partii posle smerti Lenina: Gody raboty v VSNH vo vremia NAP [New economic policy and the party crisis after Lenin's death: Years of work in the All-Union Economic School during the NEP. Memoirs]. Moscow: Sovremennik, 1991. 367 p. (In Russ.)